

А. А. Супренков, В. Е. Науменко, Л. Ю. Пономарев

(Москва, Симферополь, Керчь)

**Комплекс хозяйственных сооружений
на северо-восточной окраине поселения Гора Чиркова 1
(по итогам раскопок Керченско-Таманской экспедиции в 2015 г.)**

В 80-е гг. прошлого столетия на археологическую карту Таманского полуострова Я. М. Паромов нанес 64 поселения VIII—X вв. [1, с. 72–75; 2, с. 76–78]. За последние два десятилетия количество памятников «хазарского» времени в регионе значительно увеличилось, при этом в их число были включены и поселения, которые ранее относились к античному и «тмутараканскому» периодам.

Среди последних оказалось поселение Гора Чиркова 1, обнаруженное в 1984 г. Я. М. Паромовым в юго-западной части Таманского полуострова, в 3,6 км к северо-востоку от п. Виноградный, расположенном на северном берегу Цокурского лимана. Вслед за Я. М. Паромовым до недавнего времени оно рассматривалась как составная часть другого, более крупного поселения, которому исследователь присвоил название Виноградный 7. На основании данных аэрофотосъемки и границ распространения подъемного материала он установил площадь памятника в пределах 31 га и датировал его VI—I вв. до н. э. и X—XIII вв. н. э. [2, с. 77, пункт 59; 3, с. 144].

В 2001 г., в процессе раскопок, проведенных на поселении Н. Ю. Лимберис, горизонта «тмутараканского» периода выделить не удалось. Верхний слой, прослеженный на его северо-западной окраине был датирован VIII—X вв. К этому же периоду относились и четыре хозяйственные ямы. В 2002 г. к югу и востоку от участков, исследованных в 2001 г., В. В. Бочковой раскопал остатки трех каменных построек, семь хозяйственных ям и часть ровика, который, по мнению исследователя, мог окружать жилую часть раннесредневекового поселения. Спустя год И. И. Марченко были выявлены остатки еще трех каменных построек и три хозяйственных ямы, а в 2005 г. В. Ю. Кононов раскопал четыре хозяйственных ямы и открыл новый участок ровика, окружавший поселение. Наконец, в 2011 г. по результатам разведок С. А. Буравлёва поселение Виноградный 7 было разделено на два памятника. Соответственно, восточной его части, площадью около 38 га, где среди подъемного материала преобладала античная керамика, было оставлено прежнее наименование, а северо-западную часть

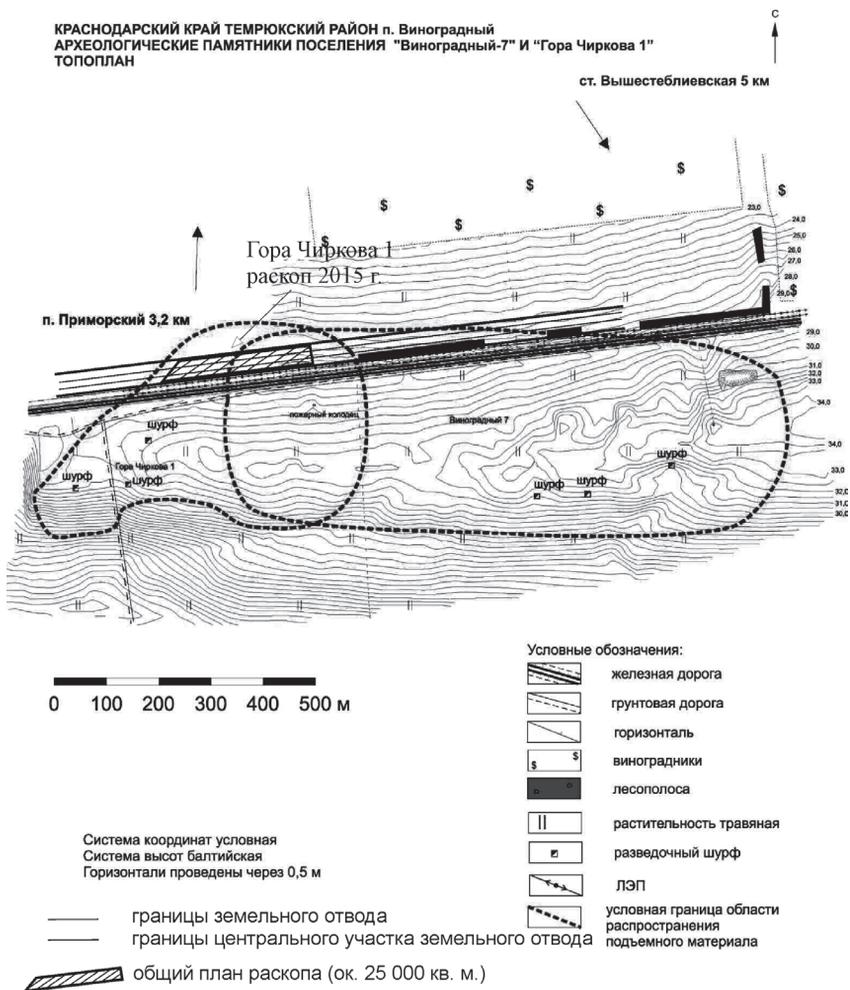

Рис. 1. Поселение Гора Чиркова 1. Общий план участка исследований 2015 г.

поселения, площадью 17,72 га (0,60 × 0,38 км), в пределах которой в 2001–2005 гг. были исследованы жилые и хозяйственные комплексы VIII–X вв., исследователь выделил в самостоятельное поселение Гора Чиркова 1 [4, с. 471–473; 5, с. 481–484] (рис. 1).

В 2015 г. работы в северо-восточной части раннесредневекового поселения продолжила Керченско-Таманская экспедиция под руководством А. А. Супренкова. В пределах раскопа, площадь которого составила 25 000 кв. м (320 × 65 м), были вскрыты культурные напластования мощностью 1,0–2,0 м.

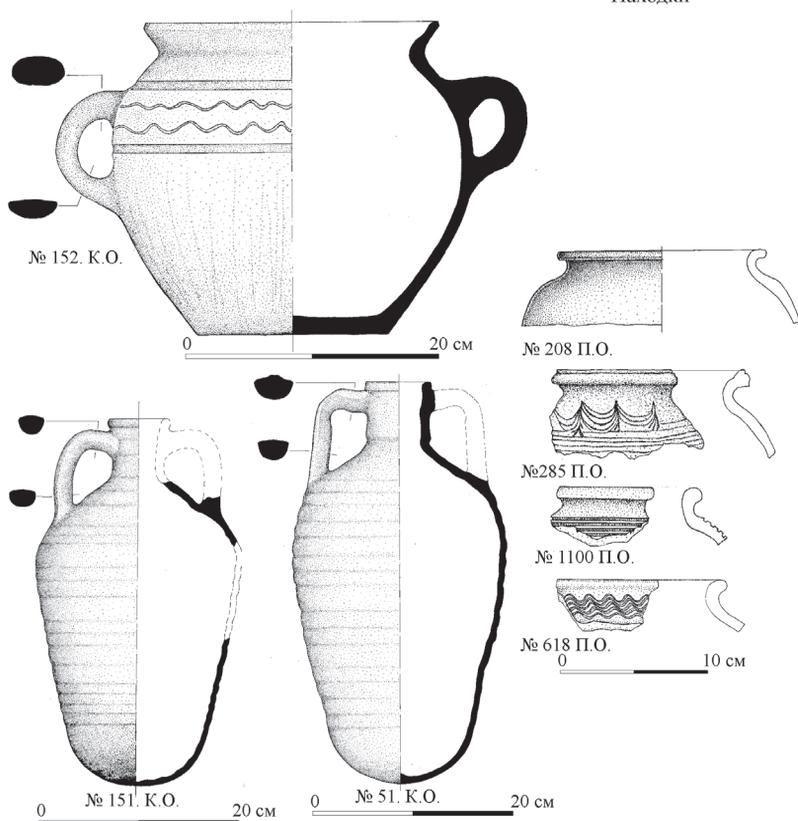
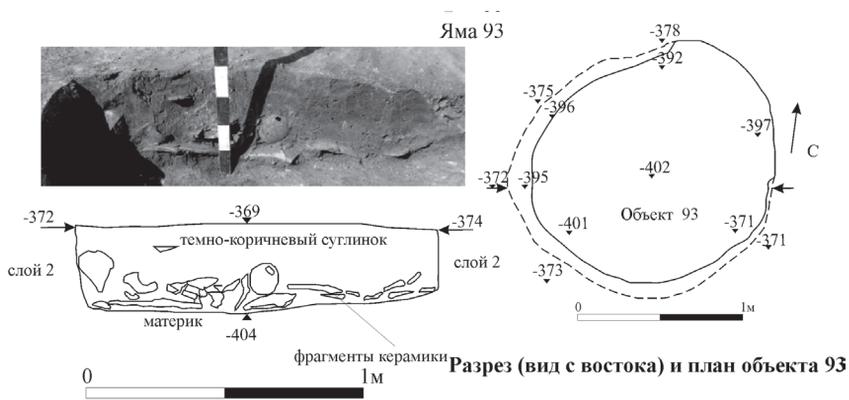

Рис. 2. Поселение Гора Чиркова 1. Яма № 93.
План, стратиграфический разрез, находки

Стратиграфически они были разделены на два культурных горизонта, но, по сути, поселение представляло собой однослойный памятник, поскольку выделенный в пределах его исследованного участка верхний слой гумусированного суглинка темно-серого оттенка сформировался в результате многолетней распашки и представлял собой перемешанный с дерном антропогенный пласт нижележащего плотного суглинка серо-коричневого оттенка.

Такую модель стратиграфической колонки подтверждает и археологический материал, совершенно идентичный для обоих слоев. За исключением немногочисленных находок, относящихся к IV—III вв. до н. э., он был представлен керамикой и другими находками — аксессуарами одежды, украшениями, предметами быта и орудиями труда из железа, медных сплавов, стекла, камня и кости, датировавшимися в пределах VIII — первой половины X вв. К этому же периоду относились 97 различных по форме и размеру ям и котлованов, пятна заполнения которых были зафиксированы в основном на уровне материка и нижнего слоя плотного суглинка серо-коричневого оттенка. Однако, судя по той глубине, на которую они сохранились, практически все ямы были впущены с уровня гумусированного суглинка темно-серого оттенка, который на протяжении многих лет подвергался распашке.

В восточной части раскопа площадью более 877 кв. м никаких археологических объектов выявлено не было. Иными словами, можно допустить, что примерно где-то здесь и пролегла восточная граница поселения.

Что же касается ям и котлованов, в их размещении не прослеживалось четкой и организованной структуры, но при этом, случайно или нет, они сформировали четыре компактные группы археологических объектов, располагавшиеся на расстоянии от 23 до 50 м друг от друга.

Группа 1 состояла из 11 ям и была локализована в северо-западном углу раскопа на площади $35,0 \times 35,0$ м. В 27 м к востоку от нее расположена компактная и наиболее многочисленная группа 2, в которую включена 41 яма, охватывавшая площадь размерами $40,0 \times 35,0$ м. В 23 м к востоку от нее на площади $78,0 \times 13,0$ м выделена группа 3, состоящая из 13 ям, вытянутых в направлении ЮЗ-СВ. Группа 4, состоявшая из 32 ям, занимала площадь размерами 60×70 м и находилась в 50 м к востоку от группы 3.

Таким образом, в отличие от участков, исследованных в 2002 и 2004 гг., где были раскопаны остатки каменных фундаментов шести построек, ни одного жилого комплекса в этой части поселения обнаружить не удалось. Здесь размещались исключительно объекты хозяйственного назначения. К сожалению, их функциональное назначение установить очень сложно, тем более, за редким исключением, все они были частично разрушены плантажным плугом, а некоторые ямы оплыли и утратили свою первоначальную форму. Тем не менее, за исключением аморфных в плане естественных углублений,

большую часть из них можно интерпретировать как хозяйственные ямы-зернохранилища.

В зависимости от формы они были разделены на пять типов.

Тип 1. Округлые и овальные в плане ямы с вертикальными или слегка сужающимися ко дну стенками.

Тип 2. Округлые и овальные в плане ямы с расширяющимися ко дну стенками, за счет чего в разрезе они имеют трапецевидную или колоколовидную форму.

Тип 3. Округлые в плане ямы с вертикальными стенками в верхней части и «подбоями» в придонной части.

Тип 4. Округлые в плане ямы, противоположные борта которых в придонной части сужаются и расширяются по направлению ко дну.

Тип 5. Округлые в плане ямы с вертикальными и расширяющимися ко дну противоположными стенками в придонной части.

На последнем этапе функционирования хозяйственных ям, судя по характеру заполнявшего их грунта, а также обилию фрагментированной керамики и других находок, многие из них были превращены в свалки бытового мусора и золы. В заполнении таких ям найдены многочисленные фрагменты керамики — «причерноморских» бороздчатых амфор, высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, ойнохой «скалистинского» типа, салтово-маяцких лощеных сосудов (двуручных корчаг, кувшинов, кружек и кубышек), салтово-маяцких горшков и мисок (рис. 2). Помимо керамики в ямах оказались плиты ротационных жерновов из известняка, обломки рюмок и бокалов из прозрачного стекла оливково-зеленого и изумрудно-зеленого оттенков (типа II и вариантов 1–1; 2–1 по классификации Е. В. Веймарна и А. И. Айбабина), хозяйственно-бытовые изделия (пряслица, ткацкие грузила, абразивы, иглы, шилья, гвозди, ножи), украшения (браслеты, серьги, бусы), аксессуары одежды (пряжки, накладки на ремни), орудия труда (серпы, скребки из кости) и кости животных, преимущественно крупного и мелкого рогатого скота.

Среди обычных ям, которые на последнем этапе функционирования использовались для сброса бытового мусора и золы, были обнаружены заброшенные и частично засыпанные хозяйственные ямы, в которых совершили ритуальные жертвоприношения людей и животных. К числу таких необычных объектов относится яма 1 с компактным скоплением отдельных костей лошади и яма 59 с захоронением ребенка, уложенного на боку в скорченном положении. Еще одно жертвоприношение, зафиксированное в виде компактного скопления разрозненных костей мужчины, было совершено в яме 62 глубиной 0,2 м, но она, судя по всему, была вырыта для этой цели специально и после совершения ритуала ее перекрыли небольшой конусовидной насыпью.

Отдельные ямы и котлованы, в силу необычных находок, атрибутировать гораздо сложнее. Среди них выделяется яма 21 диаметром 2,0 м, сохранившаяся на глубину до 0,4 м. На ее дне расчищена очажная конструкция, размерами 1,0 × 0,9 м, занимавшая более половины площади. В плане она имела прямоугольную либо овальную форму и была сложена из саманного кирпича, уложенного в один слой. Ниже подошвы очага залегал суглинистый слой угольно-черного оттенка, смешанный с большим количеством древесного угля и золы, мощностью 0,20–0,35 м. Учитывая размеры очага и свободного пространства вокруг него, интерпретировать эту яму как жилое помещение не представляется возможным, соответственно не удалось установить и ее функциональное назначение.

Некоторые объекты, в том числе яма 10 размерами 3,0 × 2,0 м и глубиной не менее 0,37 м, яма 57 диаметром 2,4 м и глубиной 1,2 м и котлован 73 размерами 7,5 × 3,5 м и глубиной не менее 0,4–0,6 м, напоминают оплывшие котлованы полуземлянок. Однако, ни в одном из них не были найдены остатки хозяйственно-бытовых устройств и конструктивных элементов, в том числе лежанок, печей, очагов, ямок для опорных столбов стенок и перекрытия, ступеней и полов. Не были зафиксированы в них и фрагменты турлучной обмазки деревянных каркасов стен. Иными словами, если это и были полуземлянки, то их перекрытия опирались не на каркасно-столбовую или каркасно-жердевую конструкцию и использовались они, исключительно, в хозяйственных целях, к примеру, в качестве погребов, подсобных хозяйственных помещений и зернохранилищ. Рядом с одним из них — котлованом 73, было обнаружено одиночное грунтовое погребение, которое, как и захоронения людей и животных в ямах, имело ритуальный характер.

Таким образом, поскольку, как уже упоминалось выше, жилых построек в этой части поселения обнаружено не было, можно полагать, что в пределы исследованного участка попала его периферийная часть, где размещались разнообразные хозяйственные комплексы, среди которых преобладали ямы-зернохранилища и полуземлянки. Многочисленные находки из них свидетельствуют о том, что ведущее место в хозяйственно-экономической деятельности жителей поселения отводилась пашенному земледелию и животноводству.

К сожалению, комплексно памятник проанализировать пока не представляется возможным, поскольку не опубликованы материалы его раскопок за 2001–2006 гг. Такая же ситуация наблюдается и в отношении остальных рядовых сельских поселений салтово-маяцкой культуры Таманского полуострова. В настоящее время в научный оборот частично введены материалы раскопок лишь одного из них — поселения Артющенко I [6, с. 73–81; 7, с. 239].

Литература

1. *Паромов Я. М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1981–1983 гг. // КСИА. — 1986. — Вып. 188.
2. *Паромов Я. М.* Обследование археологических памятников Таманского полуострова в 1984–1985 гг. // КСИА. — 1989. — Вып. 196.
3. *Паромов Я. М.* Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского полуострова // Боспорский сборник. — 1992. — Вып. 1.
4. *Сударев Н. И., Кашаев С. В.* История исследования поселения Виноградный-7 и работы на памятнике в 2015 г. // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. — Керчь, 2016.
5. *Супренков А. А.* Поселение Гора Чиркова 1 — история исследований и новейшие раскопки // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. — Керчь, 2016.
6. *Виноградов Ю. А.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Артюшенко I на Таманском полуострове // ЗВОРАО. — 2002. — Новая серия. Т. I (XXVI).
7. *Виноградов Ю. А.* Основные итоги изучения поселения Артюшенко I на Таманском полуострове // ПИФК. — 2013. — № 2(40).

